
В. М. АХМЕДОВ

СИРИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ*

Начавшийся в марте 2011 г. кризис в САР достаточно быстро перерос в кровопролитную гражданскую войну. В результате страна оказалась расколотой на враждующие районы и была ввергнута в состояние религиозного конфликта. Продолжительность кризиса и сложность примирения конфликтующих сторон были обусловлены рядом факторов, которые будут проанализированы в данной статье (см. также: Ахмедов 2019а; Akhmedov 2019). В статье подчеркивается, что отличительной особенностью прежней государственно-политической модели управления был ее институализированный авторитаризм при опоре на силовой фактор, который воплощался в деятельности служб безопасности и армии (см.: George 2003; Seale 1988: 420–440). На протяжении последних 40 лет характер военно-гражданских отношений в САР определялся приоритетным мнением военных в процессе принятия решений по ключевым вопросам внутренней и внешней политики страны (Hinnebusch 1993; Zisser 2001: 5–8)¹. Поэтому не было ничего удивительного в том, что контроль над начавшимися в марте 2011 г. событиями и их последующим развитием во многом оказался в руках военных. Военные диктовали политической власти те или иные решения, а в ряде критических с их точки зрения вопросов действовали самостоятельно (Quilliam 1999: 27–60). Именно они определяли на всех последующих этапах развитие кризиса и судьбу не только режима, но и всей Сирии (Ziadeh 2013: 143–170). Несмотря на радикализацию сирийского конфликта и его превращение в межрелигиозную борьбу, сирийский режим выстоял.

Ключевые слова: САР, кризис, гражданская война, религиозный конфликт, оппозиция, Б. Асад, иностранное вмешательство, США, Россия.

1. Предыстория и причины сирийской революции

Кризис 2011 г. в САР был обусловлен рядом обстоятельств: это длительное пребывание Асадов у власти (с учетом передачи власти

* **Для цитирования:** Ахмедов, В. М. 2023. Сирийская революция. *История и современность* 4: 148–172. DOI: 10.30884/iis/2023.04.06.

For citation: Akhmedov, V. M. 2023. Syrian Revolution. *Istoriya i sovremennost' = History and Modernity* 4: 148–172 (in Russian). DOI: 10.30884/iis/2023.04.06.

¹ Подробнее о роли военных в политике см.: Rubin, Keaney 2002.

от отца к сыну), коррупция, социальная несправедливость, рост числа образованной молодежи, ухудшение социально-экономического положения и мн. др. (см.: Гринин и др. 2016)². Ряд важных причин кризиса заключался в специфике демографической структуры сирийского населения и системе распределения ресурсов и социальных благ. Общая численность населения Сирии в 2011 г. составляла примерно 22 млн человек (Ахмедов 2010: 152). Среди этнических групп арабы составляли около 85 %, курды – около 10 %, остальная часть населения была представлена туркменами, армянами, выходцами с Северного Кавказа («черкесы») и др. Среди конфессиональных групп мусульмане составляли 87 %, из которых подавляющее число были суннитами (более 70 %), тогда как представители других конфессий составляли около 14–15 %, и среди них преобладали алавиты. Христианские конфессии, представленные в основном православными и яacobитами, составляли около 10 %, друзы – около 3 %. Согласно данным статистики, доминирующее положение арабов-суннитов в этноконфессиональной картине страны было очевидным. В то же время ключевые позиции в политике, экономике и военной структуре занимала небольшая группа арабов-алавитов. Отсюда следует вполне логичный вывод о том, что во главе протестного движения стояли арабы-сунниты как представители этноконфессионального большинства. На дальнейшее развитие ситуации в САР повлияли и другие факторы, в том числе курдский (см.: Гринин и др. 2016). В XXI в. в Сирии появились новые факторы, которые подталкивали сирийское общество к кардинальным изменениям. Оставаясь союзником Советского Союза, Сирия на протяжении последних десятилетий была государством социалистической ориентации, принявшим советскую модель экономического планирования. Накопление финансовых ресурсов происходило главным образом за счет внешних факторов: экономической и военной поддержки со стороны СССР. Финансовая помощь шла со стороны арабских стран – экспортеров нефти в рамках так называемой «арабской солидарности» (всего за пять лет с 1975 по 1980 г. это дало Сирии приток в 4 млрд долларов), которая обеспечивала экономический рост. В этот период у сирийцев возникла сильная зависимость от иностранного капитала. В резуль-

² Подробнее о причинах «арабской весны» см.: Grinin, Korotayev 2022; Goldstone *et al.* 2022.

тате падения цен на нефть (что привело к сокращению финансовой помощи в рамках «арабской солидарности») и распада СССР страна оказалась неготовой к самостоятельной перестройке своей экономической модели. Бывший президент Сирии Х. аль-Асад постоянно искал новые внешние ресурсы, способные обеспечить экономический рост, но его усилия не принесли ощутимых результатов. С приходом к власти в 2000 г. молодого президента Башара аль-Асада поиск новой стратегии активизировался. Новая экономическая политика предусматривала, в частности, снижение роли государства в регулировании экономики, внедрение рыночных принципов хозяйствования, отказ от ряда социальных обязательств государства. В рамках этого курса были постепенно отменены государственные субсидии на хлеб, рис, кукурузу и другие продукты питания. Социально-экономическое положение ухудшилось после отмены в начале 2000-х гг. топливных субсидий. Резкий рост цен на топливо привел к падению промышленного производства на 4 % и ощутимому снижению уровня жизни большинства сирийцев, усугубленному катастрофической засухой. Еще до начала волнений в Сирии (в отличие от других стран «арабской весны») можно было наблюдать снижение реального уровня жизни значительных слоев населения. Так, несмотря на быстрые темпы роста ВВП в 2000-е гг. (как и в других арабских государствах), Сирия оказалась единственной страной «арабской весны», где наблюдалось снижение средней продолжительности жизни. Во всех остальных странах «арабской весны» в эти же годы фиксировался ее устойчивый рост (см.: Life... 2022).

2. Оппозиция

Те, кто в марте 2011 г. вышел на улицы сирийских городов с патриотическими требованиями реформ и свобод, очень быстро оказались перед выбором: либо остановить мирные протестные акции, либо взяться за оружие. Многие гражданские активисты и их лидеры сильно колебались и предлагали иные методы воздействия на власть. Но рост насилия и жестокость действий власти в отношении мирного гражданского населения вынуждал многих, особенно молодежь, становиться на путь вооруженной борьбы (Lesch 2013: 55–87). После того как сирийское восстание в конце 2011 г. начало перерастать в вооруженную борьбу, позиции вооруженного

сопротивления, в том числе исламистских боевиков, начали укрепляться. Достаточно быстро те, кто взялся за оружие, оказались в полной зависимости от тех, кто мог их снабдить этим оружием. Как правило, подобная помощь, особенно по мере ее роста, зачастую предоставлялась в зависимости от лояльности групп сопротивления исламистской повестке, что на практике выражалось не только в выборе названия отряда, но и в особом поведенческом стереотипе (например, установлении шариатских законов) на освобожденных территориях (Ахмедов 2018б: 49–62). В условиях «асимметричной» войны, когда режим использовал авиацию и артиллерию для бомбардировки захваченных повстанцами районов, а вооруженное сопротивление испытывало острую нехватку оружия, акции смертников стали единственным средством поддержания баланса сил на поле боя. Это дало мощный рост джихадистским отрядам в силах сирийского сопротивления и способствовало на начальном этапе росту их популярности среди части населения освобожденных районов (см.: Он же 2015: 52–57). К тому же привлечение Б. Асадом иностранных наемников из Ливана, Ирака и Ирана, ряда других стран, вызванное серьезными потерями в живой силе Сирийской арабской армии (САА), отсутствием должного боевого опыта у новобранцев, легитимировало в глазах части местного населения участие в боевых действиях джихадистов из других арабских стран (Lister, Nelson 2017). Как утверждалось в январском докладе 2014 г., подготовленном командованием оппозиционной Сирийской свободной армии (ССА), за годы конфликта общие потери правительственных войск составили 65 тыс. человек убитыми (Ахмедов 2014). При этом необходимо иметь в виду, что общая численность дезертировавших солдат и офицеров на февраль 2013 г. составляла приблизительно 100 тыс. человек. По различным оценкам, режим должен был потерпеть сокрушительное поражение к 2014 г., если бы не получил помощь от своих зарубежных союзников. Для исправления сложившейся ситуации власти начиная с 2013 г. приступили к созданию вооруженных отрядов по типу народного ополчения и милицейских формирований (Bou Nassif 2015)³. В этот период были созданы «Национальные демократиче-

³ После подрыва в июле 2012 г. штаб-квартиры Совета национальной безопасности САР, в результате которого были убиты несколько высокопоставленных руководителей сирийских спецслужб, и штурма Дамаска режим начал сла-

ские силы» (НДС), «Кувват ан-Нимр» и «Сукур аш-Шам». Характерно, что инициатива создания указанных подразделений принадлежала в основном крупным алавитским бизнесменам и отставным сотрудникам сирийских спецслужб, близким к режиму. Поэтому в начальный период своей деятельности данные отряды больше напоминали частные армии и фактически не подчинялись центральному командованию. К тому же практически все они были сформированы на конфессиональной или этнической основе. Эти факторы снижали эффективность их боевых действий и уровень доверия и поддержки со стороны гражданского населения. Несмотря на предпринятые усилия, к осени 2015 г. общая численность личного состава правительственных войск не превышала 100 тыс. человек против 300 тыс. в начале конфликта. Неудивительно, что к октябрю 2015 г. сирийский режим уверенно контролировал не более 20 % территории страны и не мог обойтись без внешней поддержки, чтобы противостоять вооруженной сирийской оппозиции. Тем не менее эти отряды провели ряд успешных операций против вооруженной оппозиции в различных регионах страны. К концу 2015 г. численность милиционных формирований составляла, по разным оценкам, около 35–40 тыс. солдат (Al-Masri 2017). Однако только после появления Воздушно-космических сил (ВКС) России ситуация начала улучшаться. В 2015 г. под руководством российских и иранских консультантов режим приступил к созданию четвертого и пятого армейских корпусов, которые частично интегрировали в свою структуру шиитские милиции и скоординировали их деятельность с воздушными и наземными операциями правительственных сил. В сложившихся условиях Б. Асад был вынужден призвать на помощь иностранцев. Поскольку правящая алавитская верхушка ассоциировала себя в религиозном плане с шиизмом, она естественно рассчитывала на поддержку шиитских сил. Это были прежде всего боевые отряды ливанской «Хезболлы», общая численность которых составляла, по разным оценкам, от 10 до 14 тыс. бойцов (см.: Pollak, Ghaddar 2016), а также иракские шиитские воензированные бригады «Лива Абуль аль-Фадль Аббас» (несколько тысяч бойцов), которыми руководил элитный корпус КСИР «Аль-

беть. Возникла реальная угроза потери столицы, что могло привести к краху режима (из неофициальных бесед автора с представителями ливанской «Хезболлы», Москва – Ливан, 2012).

Кодс» под командованием генерала Касема Сулеймани⁴ (Ахмедов 2014). Последний, по данным из источников сирийской оппозиции, фактически командовал обороной Дамаска и его пригородов⁵. Данные о количестве иранских военных советников и специалистов, воюющих на стороне Б. Асада, весьма противоречивы и недостоверны, однако большинство экспертов полагали, что их общая численность не превышала 15 тыс. человек (Iranian... 2017). За последние годы Иран создал в Сирии собственную армию «Джейш Тахрир аш-Шам» численностью до 5 тыс. человек, в состав которой входили в основном шиитские наемники из Ирана и Афганистана, ряда арабских стран, незначительное число сирийцев. К концу 2017 г., по данным сирийской оппозиции, общая численность шиитских милиций, действовавших на территории страны, достигала 60–62 боевых формирований (Al-Nahhas 2019; Iranian... 2017). Характерно, что численность противостоящей режиму Свободной сирийской армии, состоявшей преимущественно из дезертировавших солдат и офицеров, а также отрядов народного ополчения, не превышала 30–35 тыс. человек. Отсутствие поставок вооружений из союзных им стран Запада, главным образом США, Великобритании и Франции, существенно осложняло ведение ССА боевых действий даже против значительно ослабленной армии режима, не говоря уже о шиитских вооруженных отрядах из Ливана, Ирака и Ирана. Вряд ли они смогли бы долго противостоять этой силе, если бы не поддержка так называемой вооруженной исламистской оппозиции⁶, общая численность отрядов которой колебалась на рубеже 2013–2015 гг. от 70 до 80 тыс. бойцов⁷. В отличие от ССА, чью идеологическую основу в целом питали мировоззрения светского и националистического характера, исламские бригады и фронты не испытывали особой нужды в финансировании и оружии, которые поступали им из-за рубежа, главным образом из арабских монархий Персидского залива и прежде всего из Саудовской Аравии. Сыграло свою роль и отсутствие должной реакции международного сообщества, которое оказалось бессильно не только

⁴ Касем Сулеймани был убит во время авиаудара США по Багдаду в январе 2020 г.

⁵ Из неофициальных источников.

⁶ Подробнее об особой роли салафитов в сирийском восстании см.: Al-Najj 2013.

⁷ Из неофициальных источников.

остановить, но и осудить жесткие действия режима. Указанные выше обстоятельства раскололи вооруженную оппозицию, выдвинув на передовые позиции радикальных исламистов, и дезорганизовали политическую оппозицию, которая не сумела сплотить силы вооруженного сопротивления на единой политической платформе и патриотической основе. Запад ограничивал предоставление средств и оружия оппозиции из опасений, что они попадут в руки радикальных исламистов. Поэтому западная помощь была не только недостаточной для борьбы с сирийскими правительственными силами, но и вела к расколу политической оппозиции, поскольку разногласия между исламистскими и националистическими оппозиционными группами лишали их возможности сплотить силы вооруженного сопротивления на общей патриотической основе и политической программе. Особенности сирийского конфликта и сложность его разрешения заключаются не только в беспрецедентной длительности и интернационализации по сравнению с восстаниями в других арабских странах. Они также определяются рядом глубинных внутренних процессов, которые подспудно зрели на протяжении нескольких последних лет и выплеснулись на поверхность в переломный для страны и общества момент. Особый характер сирийского восстания определялся традиционно существовавшей разницей между городом и деревней в Сирии и той ролью, которую сыграла в восстании периферия, по крайней мере, на его начальном этапе. Как известно, первые, наиболее крупные очаги революции вспыхнули в провинциальных центрах⁸. Отчасти это объяснялось тем, что именно там силы безопасности и прежде всего армия утратили свой авторитет среди населения. Имело значение также резкое ухудшение социально-экономического положения населения периферии из-за ряда неурожайных годов и сильнейшей засухи 2010 г. В результате накануне начала сирийских событий в крупные городские центры страны потянулись разорившиеся фермеры и потерявшие работу сельчане, общая численность которых насчитывала, по некоторым данным, около 1 млн человек⁹. Начатая режимом в середине 2000-х гг. политика приватизации привела к острой социальной поляризации общества, обнища-

⁸ Подробнее об этом вопросе см.: Van Dusen 1972.

⁹ Информация получена автором из бесед с различными отрядами сирийской оппозиции в 2011–2017 гг.

нию и маргинализации значительных масс населения в сельской местности. Проводившаяся сирийскими властями политика поддержки исламского сопротивления в Палестине и Ливане усиливала консервативные религиозные настроения в депрессивных районах сирийской глубинки. Это привело к тому, что население таких территорий оказалось наиболее восприимчивым к самым радикальным идеям. Одновременно снизилась роль умеренного ислама в сирийском обществе, что усилило экстремистские настроения в восприятии населением государственной политики и идеологии. Сложившаяся ситуация оказалась наиболее благоприятной для роста идей радикального исламизма, а последующие действия властей после начала сирийского восстания только укрепили его позиции. Подобные настроения в обществе послужили прекрасной матрицей для распространения джихадистских идей как местного происхождения, так и пришедших из-за рубежа (см.: Filin *et al.* 2022). Именно представители периферии, которые в течение нескольких последних лет заполняли пригороды крупных городских центров, сыграли роль своеобразного катализатора сирийского восстания. Наиболее радикально настроенные представители этой новой городской «слободки» требовали свержения власти, которая сама более полувека тому назад пришла из дальних горных сел и захватила города, создав там свою культуру и установив свои порядки. Таким образом, сирийский кризис вывел на политическую авансцену новые социальные силы, обнажив искусно замаскированный и приглушенный режимом Х. аль-Асада спектр острых социальных противоречий, клановых, конфессиональных, этнических и земляческих конфликтов. Прежде внешне единый сирийский социум в условиях обострения кризиса стал стремительно раскалываться по указанным выше конфликтным линиям, серьезно радикализовав исламистские настроения в стране. В результате в сирийском национальном движении, возродившемся на волне «арабской весны»¹⁰, возобладали религиозные настроения радикального характера. В период 40–60-х гг. XX столетия светские силы сыграли ведущую роль в борьбе сирийского народа за национальную независимость, а их идеология послужила основой формирования политической системы и государственных институтов современной Сирии. В протестном

¹⁰ Подробнее об «арабской весне» см.: Grinin, Korotayev 2022; Korotayev *et al.* 2022; Goldstone *et al.* 2022.

сирийском социуме сложилась принципиально иная ситуация. В мировоззрении многих социальных групп населения, стоявших в авангарде вооруженной борьбы, возобладала представления о правящем режиме как «оккупационном», вступившем в преступный сговор с Ираном, рядом влиятельных мировых держав и Израилем с целью порабощения арабских народов и подчинения инонациональному господству. В практическом плане подобное мировоззрение послужило мощным мотивом борьбы за свержение действующего режима. После того как сирийское восстание с конца 2011 г. стало приобретать характер гражданской войны, положение вооруженной оппозиции, в том числе воинствующих исламистов, в Сирии постепенно улучшилось. Всего на территории Сирии в 2012 г., по разным оценкам, находилось около 1200 вооруженных отрядов различной направленности: от наиболее умеренных до самых радикальных (Al-juyush... 2016). К концу 2016 г. их количество заметно сократилось. Многие оказались полностью разгромленными, самораспустились и перестали существовать как самостоятельные боевые единицы. Другие вошли в состав более крупных формирований, таких как запрещенное в РФ «Исламское государство», «Джейш аль-Ислам», «Джейш Фатх аш-Шам», «Ахрар аш-Шам», «Сукур аш-Шам», «Фейлак аш-Шам», ССА и др. На рубеже 2015–2016 гг. возникли новые отряды, которые сформировались главным образом на основе существовавших ранее фронтов по типу объединенных военных штабов и боевых соединений. Среди них можно выделить «Джейш ан-Наср» (филиал ССА), в состав которого вошли «Джабхат аш-Шамийя», «Джейш аль-Ызз'а», «Фалькон аль-Габ» и еще 13 отрядов. В силу весьма лабильной ситуации на сирийских фронтах и быстро меняющейся политической конъюнктуры вокруг Сирии было достаточно сложно исчислить количество отрядов вооруженной сирийской оппозиции. Однако большинство экспертов полагают, что в Сирии активно действовало не менее 100–120 различных фронтов и отрядов вооруженной сирийской оппозиции (с учетом запрещенных в РФ ИГИЛ и «Ан-Нусры») общей численностью не менее 70 тыс. профессиональных и хорошо вооруженных бойцов (Itani 2014: 3–5; Al-juyush... 2016). Несмотря на происходившие в составе вооруженной оппозиции трансформации, ее *матрица* с точки зрения идеологических установок, политической повестки практически не изменилась с момента зарождения этих отрядов

в 2012 г. Иными словами, оппозиция оставалась в основном суннитской, с сильным исламистским трендом и объединенной настойчивым стремлением отстранить Асада от власти (Al-Masri 2017). Костяк многих отрядов исламской вооруженной оппозиции составляли салафиты, значительная часть которых была привержена (в разной степени) идеологии джихада. Наиболее очевидной джихадистской группировкой являлась запрещенная в РФ «Джабхат ан-Нусра». На политическом и идеологическом уровне большинство этих групп поддерживало идеи исламского государства в качестве будущего политического режима в Сирии. Этот режим, в их представлении, должен был основываться на исламских законах шариата как единственном источнике законодательства. Подобный подход осложнял отношения этих движений с зарубежной сирийской оппозицией. Большинство этих организаций, даже те, которые работали со Свободной сирийской армией (ССА), испытывали определенное недоверие к институтам сирийской оппозиции, действовавшим за рубежом. Они очень внимательно относились к любым попыткам зарубежной оппозиции навязать им свою точку зрения. Данное обстоятельство затрудняло их взаимодействие с ССА и СНКРОС как в военном, так и в политическом плане. Попытки западных держав собрать воедино лидеров внешней и внутренней оппозиции неизменно заканчивались разногласиями и провалом. «Исламистский феномен» сирийского восстания серьезно трансформировался за несколько последних лет, особенно в связи с особыми условиями сирийской революции. Почти полное территориальное поражение «Исламского государства» и репутационные издержки, вызванные его тактикой, предопределяли сокращение поддержки исламистских группировок и их программ по мере прекращения боевых действий и возвращения страны к миру. Поскольку во многом мотивацией поддержки джихадистов являлась гражданская война¹¹, несмотря на то что в настоящее время умеренный ислам в Сирии практически исчез, нельзя исключать, что в случае мирного урегулирования и реализации некоторых конкретных политических установок он сможет оказать положительное воздействие на сирийское общество и стать полезным дополнением к новой социальной идеологии.

¹¹ Подробнее об ИГИЛ см.: Filin *et al.* 2022.

3. Иностранное вмешательство

После провала мирных конференций по Сирии «Женева-1» (июнь 2012 г.), «Женева-2» (январь 2014 г.), «Женева-3» (февраль – март 2016 г.) среди ведущих внешних игроков на поле вооруженного сирийского конфликта стала отмечаться любопытная тенденция. Она выражалась в смещении акцентов и приоритетов в их отношении к режиму Б. Асада и вооруженной исламистской оппозиции в контексте совместных усилий по выработке «дорожной карты» политического урегулирования в САР. Речь прежде всего шла о смене вектора и объекта приложения усилий со стороны США, ряда их союзников в Западной Европе и на Ближнем Востоке по разрешению внутрисирийского конфликта. Под впечатлением от военных успехов и растущего политического влияния вооруженных исламистов в Сирии страны Запада и ряд их ближневосточных союзников все больше склонялись к идее приоритетности избавления Сирии от воинствующих исламистов, связанных с «Исламским государством», а потом уже, возможно, от Асада. В то же время другие страны усилили поддержку режима. Одним из ярких примеров отмеченной выше тенденции может служить роль Ирана в сирийском вооруженном конфликте. Иран сыграл ведущую роль в сохранении действующего режима в САР. С января 2012 г. ЦБ ИРИ открыл многомиллиардную кредитную линию сирийским властям, что позволило тем регулярно платить зарплату личному составу вооруженных сил, сражавшихся против оппозиции. Одновременно Иран направил в САР для оказания помощи армии Б. Асада несколько тысяч бойцов ливанской «Хезболлы», советников и специалистов из элитного корпуса «Аль-Кодс», а также шиитские милиции из Ирака и Афганистана. Интересы Ирана в Сирии имели давнюю историю. Иран всегда рассматривал Дамаск как важное звено в «оси сопротивления» по линии Тегеран – Багдад – Дамаск – Бейрут – Газа, с помощью которого можно сдерживать Израиль и распространять свое влияние в регионе, в том числе посредством сети шиитских общин в арабских странах Ближнего Востока. Влияние Ирана на Сирию особенно усилилось после прихода к власти в Дамаске в июне 2000 г. Башара Асада и произведенных им масштабных реформ в сирийских силовых структурах на рубеже 2004–2005 гг. Пик иранского проникновения в Сирию пришелся на 2007–2009 гг.

Именно в этот период Иран заключил целую серию выгодных для себя экономических контрактов с новым сирийским руководством и соглашение о военном сотрудничестве. Это позволило ему проникнуть практически во все институты сирийского государства. Тегеран стал играть все возрастающую роль в сирийском обществе и оказывал выгодное ему влияние на умонастроения правящей сирийской элиты. Фактически Иран проник во многие сферы жизни сирийского общества, в котором стал активно приобретать своих сторонников, используя различные методы и инструменты, в том числе материально стимулируя переход суннитов в шиитскую веру. Расширение географии сирийского вооруженного противостояния, интернационализация конфликта и его превращение в гражданскую войну с участием большого числа региональных и международных игроков напугали Иран. Тегеран увидел в этом угрозу своим интересам на Ближнем Востоке и усилил военное присутствие в Сирии офицеров «Аль-Кодс» и шиитских милиций, главным образом ливанской «Хезболлы». Тегеран планировал направить в Сирию до 100 тыс. бойцов из отрядов «Басидж» и регулярных частей иранских ВС («Артеш»). В действительности многие действия ИРИ на внешнеполитической арене, в том числе и в Сирии, были продиктованы соображениями внутреннего порядка, приоритетами которого являлись национальная безопасность и обретение статуса ядерной державы наподобие Израиля и Пакистана. С этой точки зрения Иран мог рассматривать Сирию как козырную карту в более крупной геополитической игре. При этом Тегеран не забывал о сохранении своих интересов в этой арабской стране, которую он считал важным плацдармом в распространении своего влияния в регионе¹². Участие российских ВКС в вооруженном сирийском конфликте коренным образом изменило ситуацию в самой Сирии и вокруг нее. Менее чем за год силовое участие России в сирийском конфликте привело к тому, что территория, контролируемая сирийским правительством, увеличилась до 35–40 %¹³. Москва превратилась в ключевого участника сирийского конфликта, с позицией которого были вынуждены считаться США, Европа

¹² Подробнее о роли Ирана в регионе см.: Clawson 2018.

¹³ Сведения из бесед автора с представителями сирийской оппозиции в февралю – марте 2017 г.

и ведущие региональные страны, в том числе Турция, Иран, Королевство Саудовская Аравия (КСА). Несмотря на традиционно дружественные отношения между Москвой и Тегераном, присутствие российских вооруженных сил в Сирии и растущий авторитет Москвы в разработке новой системы международных отношений были восприняты с опаской со стороны Ирана и Турции. Последние, как и КСА, считали, что действия Москвы по сохранению территориального суверенитета Сирии, восстановлению ключевых государственных институтов и прекращению огня угрожают их интересам как в Сирии, так и на Ближнем Востоке в целом. Москва последовательно выступала за то, чтобы дать сирийцам самим решить свою судьбу в условиях мира и нового переходного правительства. Поэтому, несмотря на традиционно союзнические отношения между Москвой и Тегераном, в Иране не без оснований опасались массированного военного российского присутствия в Сирии и растущего политического влияния Москвы на формирование новых параметров международных отношений.

«Освобождение» Алеппо – оплота сирийской вооруженной оппозиции – стало результатом силового участия России в сирийском конфликте. Это во многом обеспечило проработку в декабре 2016 г. проектов серии соглашений между Россией и Турцией, с одной стороны, и значительной частью отрядов (около 60 тыс. бойцов) сирийской вооруженной оппозиции – с другой. Сущностное содержание этих проектов заключалось в выработке плана достижения мира в Сирии. Последующие встречи в Астане в 2017 г. проходили с участием Сирии и Ирана (Issaev *et al.* 2018). Однако основной вклад в разработку ряда механизмов, гарантирующих прекращение огня и мирное урегулирование, был внесен в результате контактов российских военных с сирийской вооруженной оппозицией. Итогом стало подписание важнейших соглашений с участием сил оппозиции (от 50 до 60 тыс. солдат) и поддержка российско-турецкого соглашения о прекращении огня и принципах политического урегулирования. К встрече в Астане присоединились представители девяти отрядов вооруженной оппозиции, еще четыре заняли выжидательную позицию и направили на конференцию своих наблюдателей. Делегацию исламской вооруженной оппозиции возглавил один из ее лидеров («Джейш аль-Ислам», «Ахрар аш-Шам»)

Мохаммед Аллуш. Конечно, данные документы нельзя было назвать идеальными. Они отличались определенными недоработками. Речь шла об ограниченности их действия определенным ареалом. За рамками соглашений остались несколько крупных боевых отрядов. В проектах документов отсутствовал должный набор инструментов их практического исполнения. Не удалось преодолеть сомнения сирийской оппозиции в отношении серьезности намерений режима Асада и Ирана. Кроме того, сторонам еще предстояло определить, кто и какими методами будет проверять прекращение огня, зоны ответственности сторон, устанавливать полномочия местных органов власти. Однако последовательные усилия Москвы, Анкары и Тегерана, а также череда конференций, организованных в Астане (Нур-Султане), создали положительную основу для проведения национального диалога, который мог привести к сирийскому примирению в рамках более широкого международного формата. С конца 2017 – начала 2019 г. ситуация в сфере вооруженного противостояния в Сирии и вокруг нее заметно изменилась. Ведущие боевые действия отличались непредсказуемостью финала и могли дать старт новым процессам в развитии сирийского кризиса. Сложность сложившейся ситуации определялась рядом важных и разноуровневых обстоятельств. Во-первых, сирийский конфликт развивался в иной парадигме. Условно ее можно было обозначить как посттеррористический этап в сирийском восстании. После решающей победы над терроризмом в лице ИГИЛ в стране стала складываться новая ситуация. Она определенно оказывала влияние на умонастроения основных участников конфликта и определяла их поведенческий стереотип. Примечательно, что победа над ИГИЛ явилась заслугой российских военных, которые смогли решить этот вопрос в считанные месяцы, поставив его в плоскость «точки невозврата». Однако оставалась пресловутая «ан-Нусра» (она же «Джейш Фатх аш-Шам»), а вернее, постепенно поглощающая ее запрещенная в РФ «Тахрир аш-Шам». В то же время в ряде ключевых районов страны – пригородах Идлиба и Алеппо – эта террористическая структура постепенно теряла свои лидирующие позиции и социальную базу опоры под ударами объединившихся движений «Аз-Зенки» и «Ахрар аш-Шам». Окончательно ее судьбу могли решить турецкие военные, которые во исполнение Астанинских со-

глашений должны были занять эти районы и окончательно покончить с названными террористическими структурами. Другой вопрос – как скоро это могло случиться. Так, после серии поражений отряды «Тахрир аш-Шам» нашли себе убежище на севере Сирии в приграничных сирийско-турецких районах. Нельзя исключать, что они могли использоваться Турцией, США и другими внешними акторами в крупной политической игре на поле сирийского конфликта. Но в целом посттеррористический этап сирийского восстания наступил. Данное обстоятельство вынуждало как местных, так и региональных участников конфликта по-новому относиться к сирийскому кризису и рассматривать дополнительные параметры его политического урегулирования (Ахмедов 2019б). Для сирийской оппозиции новый этап обозначал возврат к первоначальным целям сирийского восстания – борьбе с несправедным (с их точки зрения) режимом. К тому же сами сирийские власти давали много разных поводов для обвинений в избыточном насилии. После победы над ИГИЛ Россия и США стали уже не столько союзниками в борьбе с терроризмом, сколько соперниками в борьбе за Сирию. Стратегия США по Сирии изменилась, и аппетиты американской администрации возросли. Об этом открыто говорил американский госсекретарь в конце 2017 г. Суть новой стратегии США можно было свести к тому, что преждевременный вывод их войск из Ирака был ошибкой. Они считали необходимым ограничить степень влияния Москвы в Сирии и не позволить ей взять под контроль новые стратегически важные районы страны, умалить роль России как беспристрастного арбитра в Женеве и таким образом лишить ее возможности влиять в выгодном для нее ключе на политическое решение по Сирии. Одновременно Вашингтон пытался развести Россию и Иран, нарушив их альянс, и таким образом изолировать ИРИ от активного участия в сирийских делах. США стремились переформатировать суть политического решения по Сирии в такую, где не было места Б. Асаду, а роль ИРИ была бы серьезно маргинализована. Практическим подтверждением новой стратегии по Сирии служили действия американских военных в стране с начала 2018 г. в отношении САР и российских войск. Одновременно Москва подверглась беспрецедентной критике и давлению со стороны союзников США в ЕС и НАТО. Несмотря на то что Анкара

пыталась аккуратно выполнять возложенные на нее обязанности, ей нередко приходилось маневрировать между США, Россией и Ираном, чтобы соблюсти ранее достигнутые договоренности с этими странами (Ахмедов 2019а, 2019б; Akhmedov 2019). Нельзя было не учитывать и тот факт, что страны – гаранты «трехстороннего соглашения по безопасности» («зоны деэскалации») в конечном счете не смогли устоять перед соблазном извлечь для себя выгоду в контролируемых ими районах. При этом некоторым отрядам вооруженной оппозиции удалось упрочить свои позиции в ряде сирийских районов, особенно тех, которые оказались в зоне турецкой ответственности. Известно, что Анкара активно задействовала в своей операции «Щит Евфрата» отряды ССА. Угрожая срывом Астанинских соглашений, Турция стремится расширить зону своего влияния и дальше на север Сирии, заняв стратегически важные районы наподобие Африна в провинции Идлиб, где базировались отряды «Тахрир аш-Шам» и «Тахрир ас-Сурия»¹⁴. Фактическое сохранение различных отрядов вооруженной оппозиции в ряде ключевых районов Сирии сказалось на взаимоотношениях центральной власти с периферией. Например, на юге страны США выступали против границ размежевания находившихся там сил России и Ирана. Американская администрация отвергала участие Ирана в этом проекте как страны-гаранта, что могло попросту сорвать его выполнение. Нельзя не учитывать и отрицательное отношение Израиля, который опасался усиления военного присутствия Ирана и ливанской «Хезболлы» на юге страны. В этой связи была велика вероятность начала крупномасштабного конфликта в районе Дерья в ходе борьбы за юг Сирии, который мог охватить другие районы страны и соседние государства. Так, по некоторым данным, с момента начала сирийского восстания Израиль нанес по территории Сирии около 80 ударов с воздуха и суши¹⁵. А ожесточенные сражения в сирийском небе в феврале 2018 г., в которых участвовали силы ВВС Израиля, ВВС и ПВО ССА, иранские беспилотники, только подтверждали всю опасность и непредсказуемость ситуации. Успехи правительственных войск в Восточной Гуте и планы продвиже-

¹⁴ Подробнее о вооруженной сирийской оппозиции см.: Ахмедов 2019а.

¹⁵ Подробнее о сирийско-израильском военном балансе см.: Cordesman 2000.

ния САА на юг не оставляли оппозиции выбора, кроме как ударить первыми, чтобы таким образом попытаться сохранить баланс сил (Ахмедов 2018в; Lund 2016). В этом случае могли быть затронуты интересы США на их базе «Ат-Танф». Весной 2018 г. Пентагон направил в этот район дополнительно 200 единиц боевого персонала. США нарастили свое военное присутствие в Сирии. Американские военные контролировали 10 районов, дислоцировались на двух базах ВВС и восьми опорных пунктах и были неплохо представлены в районах к востоку и северо-востоку от Евфрата. При этом США контролировали до 80 % сирийской нефти (Ахмедов 2018б: 148). Если бы Москве удалось установить контроль над сирийским силовым блоком, Россия могла бы фактически самостоятельно осуществить переходный период, который оставалось бы оформить политическими договоренностями на международном уровне, поскольку, вне зависимости от того, кто завтра будет править Сирией, реальный механизм власти останется в руках сирийской армии и спецслужб. Имея там прочные позиции, Москва была способна влиять на принятие важных для нее политических решений на любом уровне сирийской властной пирамиды¹⁶. Вопрос о выработке новых параметров безопасности, в рамках которых Россия могла бы законно утвердить свое первенство в Сирии, являлся ключевым. Действительно, многое зависело от того, как Россия, Турция и Иран, США и Израиль будут менять прежние договоренности о системе безопасности в Сирии. Как известно, происходило это на фоне обострения ситуации в стране, что еще больше осложняло выполнение поставленной задачи. После заявления президента США Д. Трампа 19 декабря 2018 г. о намерении вывести американские войска из Сирии ситуация в стране изменилась. Образовался так называемый «вакуум власти», который могли заполнить разного рода джихадистские, экстремистские и такфиристские организации. Это обстоятельство, конечно, не могло устроить США и их союзников по коалиции. Под предлогом борьбы с исламистским терроризмом американские военные пытались заставить своих союзников играть более активную роль в рамках военного

¹⁶ Подробнее об инициированных Москвой масштабных перестановках в сирийских спецслужбах и армии см.: Al-Nahhas 2019.

присутствия на Ближнем Востоке. Они рассматривали этот план как своего рода компромисс между желанием вывести войска из как можно большего числа зон локальных конфликтов и стремлением сохранить там стабильность при минимальном присутствии. Пока США пытались осуществить этот маневр, ситуация в самой Сирии оставалась сложной, и перспектива разрешения кризиса была весьма туманна.

4. Сирийский вызов: нестабильность без конца?

Слабость сирийского режима, разногласия среди оппозиции и иностранная интервенция осложняли ситуацию в стране и откладывали реализацию договоренностей о мирном транзите в Сирии, достигнутых ранее в Астане и Сочи. Острые вопросы организации переходного периода и формирования институтов власти с новым наполнением, конечно, должны были решаться самими сирийцами путем большого общественного договора, в условиях которого стороны были способны пойти на очень большие компромиссы и взять на себя серьезные гарантийные обязательства. Возможным результатом этого договора могло стать принятие новой конституции и создание учредительного собрания, которое избрало бы представителей органов переходного периода. Длительный вооруженный конфликт в Сирии оказал влияние на изменение конфессионального баланса в сирийском обществе и повлиял на ход будущих политических процессов в стране. Особенность сирийского конфликта и сложность его разрешения заключались не только в его беспрецедентной длительности по сравнению с восстаниями в других арабских странах, что во многом было определено ролью национальных вооруженных сил и геостратегическим положением Сирии. Поскольку страна образует «плацдарм силы» в Восточном Средиземноморье, гранича с Турцией, Ираком, Иорданией, Ливаном и Израилем, и здесь располагаются российские военные базы ВМС (Тартус) и ВВС (Хмейми), это предопределило повышенное внимание Запада к данному району. Сирийский кризис вывел на политическую авансцену новые социальные силы, обнажив искусно замаскированный и приглушенный режимом Х. аль-Асада спектр острых социальных противоречий, клановых, конфессиональных, этнических и земляческих конфликтов. Прежде внешне единый сирий-

ский социум в условиях обострения кризиса стал стремительно раскалываться по конфликтным линиям, серьезно радикализовав исламистские настроения в стране и Ближневосточном регионе в целом. Накануне сирийских событий общество в стране было уже разделено по конфессиональным и этническим линиям. Возможность выхода на поверхность каких-либо проявлений этнических и конфессиональных разногласий жестко пресекалась властью. С другой стороны, подобные разногласия искусно гасились за счет системы сдержек и противовесов. На них базировались выстроенная Х. аль-Асадом конструкция государства и его система управления. Недооценка режимом истинной конфессиональной и этнической ситуации в стране на фоне ухудшения экономической ситуации сыграла фатальную роль в сирийских событиях и их превращении в религиозную и этническую вооруженную конфронтацию. Конфликт изменил демографию Сирии. К весне 2017 г. от 7 до 9 млн человек оказалось за пределами страны. Около 6 млн человек находились в состоянии постоянной внутренней миграции. Общее население Сирии сократилось до 16 млн человек¹⁷. Указанные выше данные лишь отражали общую тенденцию и требовали более четкой верификации. К этому времени сирийские власти фактически перестали публиковать подробные статистические данные о составе и численности своего населения (Balanche 2014: 29; Phillips 2015: 57). В свою очередь, сирийская оппозиция создала на территории Турции специальный орган – Assistance Coordination Unit (ACU), куда направляла свои данные о состоянии местного населения и беженцах. Существовали и такие организации, как SOHR и подобные им, которые вели свою статистику и пользовались своими источниками. Подобная ситуация осложняла получение более или менее объективных данных о реальном положении местного населения и его показателях. Накануне революции сирийское общество уже было разделено по конфессиональному и этническому признакам. Оно состояло из четырех основных религиозных и этнических групп – арабов-суннитов, алавитов¹⁸, курдов и христиан. Конфессиональный и этнический состав был сле-

¹⁷ Подробнее об этом см.: Balanche 2014; Phillips 2015.

¹⁸ Подробнее о сирийских алавитях см.: Faksh 1984.

дующим: 65 % составляли арабы-сунниты; 15 % были курдами (в основном суннитами); 10 % – алавитами, 5 % – христианами, 3 % – друзами и представителями других местных религий, 1 % – шиитами-исмаилитами и чуть менее 1 % – шиитами-двунадесятниками. С этой точки зрения Сирия мало чем отличалась от соседнего Ливана, где в основе управления страной лежал принцип «политического конфессионализма»¹⁹. Война привела к серьезным изменениям в конфессиональной карте Сирии. Деструкция религиозного пространства страны во многом предопределялась высокой смертностью как среди военных, так и среди гражданских, эмиграции и внутренних перемещений населения. В то же время ряд меньшинств внутри Сирии смог увеличить свои показатели как в абсолютном, так и в относительном отношении. Во многом это произошло за счет значительного сокращения суннитов-арабов. Из общего показателя эмигрировавших сирийцев к 2017 г. 80 % (около 5,5 млн человек) составили именно сунниты-арабы. К тому же наиболее интенсивные боевые действия велись на территории их традиционного проживания. Гражданская война отрицательно сказалась и на сирийских христианах – возможно, потому что, в отличие от алавитов и друзов, они не располагали собственным анклавом. К концу 2017 г. общее число покинувших страну христиан составило около 10 %. При этом христианская эмиграция началась еще в 2011 г. 10 % курдского населения также выехало из Сирии в 2015 г. В основном они нашли себе прибежище в Иракском Курдистане. Меньше всего из страны выехало алавитов, друзов, исмаилитов и шиитов²⁰. В конце 2017 г. 80 % территории находилось под контролем правительства Б. Асада. Там проживало около 75 % всего населения Сирии. Территории, занятые ИГИЛ вооруженными формированиями сирийского сопротивления (северо-запад страны, южные районы, Гута) не пользовались особой любовью населения, которое не могло чувствовать себя в безопасности из-за постоянно ведущихся боевых действий. Любопытно, что в зонах контроля сирийских властей 42 % населения представ-

¹⁹ Подробнее об эволюции конфессиональной карты Сирии см.: Ахмедов 2018а.

²⁰ Подробнее об этом см.: Balanche 2014; Phillips 2015.

ляли сунниты-арабы. В то же время в районах, занятых вооруженной оппозицией, сунниты-арабы составляли 87 % населения. Несмотря на то что алавиты, друзы, христиане, исмаилиты и шииты основном поддерживали Б. Асада, численность меньшинств выросла на рубеже 2015–2016 гг. всего на 5 % по сравнению с 20 % до начала сирийского восстания. Курды составили 15 % населения страны, сунниты-арабы – 60 % (см.: Ахмедов 2018а). Перед любой властью в Сирии на этапе переходного периода и в ближайшем будущем неизбежно встанет вопрос о восстановлении экономики страны, которая оказалась фактически разрушенной в результате гражданской войны и иностранного вмешательства в сирийский конфликт. Действительно, к 2017 г. в Сирии перестала существовать единая экономика. Большая часть страны вышла из-под контроля центрального правительства. В результате непрекращающихся боевых действий более 6 млн сирийцев эмигрировали из страны и вышли из производственного цикла сирийской экономики. Производство нефти практически остановилось, снизилась добыча газа, тысячи фабрик были уничтожены, сельскому хозяйству и транспортной системе был нанесен большой урон, туризм полностью прекратился, экспорт остановился, снизился импорт, ВВП упал до уровня менее четверти ВВП 2010 г. Социальное расслоение достигло своего пика, половина школьников Сирии лишилась возможности получать образование, что создавало угрозу для будущих поколений сирийцев. В результате восстановление экономики с опорой на собственные ресурсы оказывалось практически неразрешимой задачей, что на долгие годы могло превратить Сирию в страну-должника с постоянно растущим внешним долгом. Действительно, она не располагала достаточными самостоятельными источниками для финансирования реконструкции. Во многом это объяснялось тем, что к началу 2018 г. режим использовал практически все стратегические и финансовые ресурсы. Доходы центрального казначейства были ограничены из-за провала экономики, миграции капитала, остановки бизнеса. В этой связи сирийцам самим придется залечивать эти раны, пока они восстанавливают свою страну. Главным условием успешного начала процесса восстановления является прекращение боевых действий, достижение стабильно-

го и прочного мира в стране. Это потребует не только согласия всех различных сил сирийской оппозиции, но и вывода иностранных вооруженных сил с сирийской территории. С учетом особой роли ИРИ и шиитских милиций в САР Дамаск может столкнуться с большими трудностями при попытке сформировать инклюзивное правительство. Нельзя исключать, что в будущем Сирию может ждать череда военных переворотов и кризисов, поскольку нет ничего хуже, чем нерешенные проблемы, усугубляемые годами войны и горечью потерь, коснувшихся каждой сирийской семьи.

Литература

Ахмедов, В. М.

2010. *Современная Сирия. История. Политика. Экономика*. М.: ИВ РАН. 236 с.

2014. Кто воюет в Сирии? *Институт Ближнего Востока*. URL: <http://www.iimes.ru/?p=20322>.

2015. *Роль исламского фактора в общественно-политическом развитии арабских стран Ближнего Востока и его эволюция в условиях сирийского восстания (90-е гг. XX – начало XXI вв.)*. М.: Ин-т Ближнего Востока. 124 с.

2018а. Эволюция конфессиональной карты Сирии. *Институт Ближнего Востока*. URL: <http://www.iimes.ru/?p=43139>.

2018б. *Сирийское восстание: история, политика, идеология*. М.: ИВ РАН. 196 с.

2018в. Восточная Гута – переломная точка в сирийской войне. *Вестник Института востоковедения РАН* 1(1): 135–140.

2019а. «Исламистский феномен» сирийского восстания. Берлин; М.: Lambert Academic Publishing. 176 с.

2019б. Турецкий выбор. *Вестник Института востоковедения РАН* 2(8): 214–221.

Гринин, Л. Е., Исаев, Л. М., Коротаев, А. В. 2016. *Революции и нестабильность на Ближнем Востоке*. 2-е изд. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель». 384 с.

Akhmedov, V. 2019. *Syrian Crisis. Special Report. Roundtable on Syria*. URL: <https://doc-research.org/wp-content/uploads/2019/04/DOC-expert-speaks-at-a-roundtable-on-Syria.pdf>.

Al-Hajj, A. 2013. Al-Salafiyyah wa-l-Salafiyyun fi Suriya: min al-Islah ila al-Jihad. *Al-Jazeera Net* May 20.

Al-juyush “tatanasakh” ‘ala jabahat al-qital al-Suriyyah. 2016. *Raialyoum* June 29. URL: <http://www.raialyoum.com/?p=466451>.

Al-Masri, A. 2017. Analysis: The Fifth Corps and the State of the Syrian Army. *Syria Deeply* January 11. URL: <https://www.newsdeeply.com/syria/articles/2017/01/11/analysis-the-fifthcorps-and-the-state-of-the-syrian-army>.

Al-Nahhas, S. 2019. Al-Mamluk wa-Qadat al-Istikhbarat al-Judud: Rusiya Tanal Hissat al-Asad. *Almodonline* July 8. URL: <https://bit.ly/2JpNnfM>.

Balanche, F. 2014. Communautarisme en Syrie: Lorsque le mythe devient réalité. *Confluences Méditerranée* 89: 29–44.

Bou Nassif, H. 2015. “Second-Class”: The Grievances of Sunni Officers in the Syrian Armed Forces. *Journal of Strategic Studies* 38(5): 626–649.

Clawson, P. 2018. *Iran’s Vulnerabilities to U.S. Sanctions (Part 1): Finding the Weak Spots*. Washington: The Washington Institute for Near East Policy. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/irans-vulnerabilities-us-sanctions-part-1-finding-weak-spots>.

Cordesman, A. 2000. *Israel and Syria: The New Strategic and Military Realities after the Death of Hafez Assad*. N. p.: CSIS. URL: <https://www.csis.org/analysis/israel-and-syria-new-strategic-and-military-realities-after-death-hafez-assad>.

Faksh, M. 1984. The Alawi Community of Syria: A New Dominant Political Force. *Middle Eastern Studies* 20(2): 43–67.

Filin, N., Fahmy, S., Khodunov, A., & Koklikov, V. 2022. Two Instances of Islamic “Revival”: the 1979 Islamic Revolution in Iran and the Formation of the “Islamic State” in Syria and Iraq in the 2010s. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *New Waves of Revolutions in the 21st Century – Understanding the Causes and Effects of Disruptive Political Changes*. Cham: Springer. Pp. 865–883. DOI: 10.1007/978-3-030-86468-2_33.

George, A. 2003. *Syria: Neither Bread nor Freedom*. New York: Zed Books. 224 pp.

Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. 2022. Introduction. Changing yet Persistent: Revolutions and Revolutionary Events. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *New Waves of Revolutions in the 21st Century – Understanding the Causes and Effects of Disruptive Political Changes*. Cham: Springer. Pp. 1–33. DOI: 10.1007/978-3-030-86468 2_1.

Grinin, L., Korotayev, A. 2022. Arab Spring: Causes, Conditions, and Driving Forces. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *New Waves of Revolutions in the 21st Century – Understanding the Causes and Effects of Disruptive Political Changes*. Cham: Springer. Pp. 595–624. DOI: 10.1007/978-3-030-86468-2_23.

Hinnebush, R. 1993. State and Civil Society in Syria. *Middle East Journal* 47(2): 243–257.

Iranian Revolutionary Guards Corps Gets Increased Power. 2017. *Iran Focus* January 24. URL: <https://www.iranfocus.com/en/wpen/economy/31178-iranian-revolutionary-guardscorps-gets-increased-power/>.

Issaev, L., Korotayev, A., Mardasov, A. 2018. Metamorphoses of Intra-Syria Negotiation Process. *World Economy and International Relations* 62(3): 20–28. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-3-20-28.

Itani, F. 2014. *Losing Syria and Iraq to Jihadists*. Washington, DC: Atlantic Council of the United States. URL: <https://www.atlanticcouncil.org/in-depth-research-reports/issue-brief/losing-syria-and-iraq-to-jihadists/>.

Korotayev, A., Issaev, L., Malkov, S., Shishkina, A. 2022. The Arab Spring. A Quantitative Analysis. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *New Waves of Revolutions in the 21st Century – Understanding the Causes and Effects of Disruptive Political Changes*. Cham: Springer. Pp. 781–810. DOI: 10.1007/978-3-030-86468-2_30.

Lesch, D. 2013. *Syria: The Fall of the House of Assad*. New Heaven: Yale University Press. 304 pp.

Life Expectancy at Birth, Total (Years) - Syrian Arab Republic. 2022. *World Bank*. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.LE00.IN?locations=SY>.

Lister, C., Nelson, D. 2017. *All the President's Militias: Assad's Militiafication of Syria*. Washington, DC: Middle East Institute. URL: <https://www.mei.edu/publications/all-presidents-militias-assads-militiafication-syria>.

Lund, A. 2016. *Showdown in East Ghouta*. N. p.: Carnegie Middle East Center. URL: <https://carnegie-mec.org/diwan/63512>.

Phillips, C. 2015. Sectarianism and Conflict in Syria. *Third World Quarterly* 36(2): 357–376. DOI: 10.1080/01436597.2015.1015788.

Pollak, N., Ghaddar, H. 2016. A Transformative Experience: Understanding Hezbollah's Involvement in Syria. Washington: Washington Institute for Near East Policy. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/transformative-experience-understanding-hezbollahs-involvement-syria>.

Quilliam, N. 1999. *Syria and the New World Order*. London: Ithaca Press. 292 pp.

Rubin, B., Keaney, T. (eds.). 2002. *Armed Forces in the Middle East. Politics and Strategy*. London; Portland, OR: Frank Cass. 268 pp.

Seale, P. 1988. *Asad of Syria. The Struggle for the Middle East*. London: Taurus. 552 pp.

Van Dusen, M. 1972. Political Integration and Regionalism in Syria. *The Middle East Journal* 26(2): 123–136.

Ziadeh, R. 2013. *Al-Sulta wa-l-Istikhbarat fi Suriya*. N. p.: Riad El-Rayyes Books.

Zisser, E. 2001. The Syrian Army: Between the Domestic and External Fronts. *Middle East Review of International Affairs* 5(1): 1–12.